

Дмитрий Чернов

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Одноглазый пират об японских стеклах

Введение

Дмитрий Александрович Чернов

Одноглазый пират

об японских стеклах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63070276

SelfPub; 2020

Аннотация

Короткий рассказ – обрубленный хвост мышки. На начало был запал, но к концу, как обычно, все стухло. Единственное, что осталось – мысль. Красивая женщина – не то, что должен обсуждать одноглазый пират. Японские стекла, другое дело. Содержит нецензурную брань.

Дмитрий Чернов

Одноглазый пират

об японских стеклах

Городок Филипсбург, что расположен на узкой песчаной ленте с одной стороны омывался невозможным к произношению озером, а другой – остатками Карибского моря. Если посмотреть на него с космоса – его не увидеть. Если пролетать на самолете и посмотреть на него тоже – подумаешь, что выстрелом пролетающей птицы был совершен достаточно прицельный авиаудар в борт-иллюминатор безуспешно удирающего самолета.

Это был первый и единственный город Синт-Мартена – самоуправяемого государства, входящего в состав Королевства Нидерландов. Местные жители, коих число не превышало и полутора тысяч, называли свою кроху достаточно мило и броско: «сноер». В переводе не иначе как слово «лакомство». Или конфета. Чертова липучая конфета. Эти тропики и расплавляющая влажность делали из тебя тающую на раскалённых углях конфету – лакомство миллион тут вьющихся над головами фиолетовых, ярко-зеленых, сиреневых, ядовито-красных и тому подобных птиц.

Это был мой 64 по списку город, в котором остановился капитан самого большого плавающего города в мире N.

Loosen – «Harmony of the Seas». Моя функция на белоснежном круизном лайнере была замечательная и проста – меня взяли туда ночным бильярдистом. «Billiard player» – очередная моя графа умений и навыком в анкете для трудоустройства. Спрос рождает предложение, а я накручиваю себе по десять лет к опыту того, чему я бы в жизни не научился никогда и попадаю точно в лунку. Так и с этой работой. Вы думаете я что-то знаю, имею какое-либо представление о бильярде – чушь несусветная! Первый кий, который я взял в руки был выдан высоким брюнетом в коричневых кожаных перчатках (как показатель сверхъестественного умения игры в шары) со свойственным для местного персонала золотистым загаром ровно 64 города назад.

Работа действительно была непыльная. В ночь захаживали одни новоиспеченные друзья-собутыльники и члены этой большой и бесконечной команды. Бильярд – вид коллективной дрочки под названием Team Building. Мужики брали свои длинные осиные кии и терли друг другу наконечники мелом. Затем один бил по шарам другого, а я собирал их яйца и пустые пивные бутылки, которые выкидывал в мусорное ведро (вместе с мужиками). Полдня – спал; полдня – валялся на лежаках возле бассейна; полдня – пил и катал шары с заведомыми. Мы варились в этом котле на протяжении всего календарного года. Даже не видя конца и края горизонта вокруг можно чувствовать себя как в клетке.

Выход в города-пребывания был для 95% членов нашей

команды закрыт. Знаете ли, когда ты в течении всего дня чистишь тухлую картошку, отстирываешь шелковое постельное белье из пряжи четверного кручения (4-ply) от жирных пятен куры в кляре, натираешь до блеска двухсот пятидесяти килограммовую люстру или же убираешь ночную блювоту со стенок общественного унитаза сделанного из цельного куска гранита, то произвольно времени не хватает даже сходить пописать.

Пока все гуляли по лазурным берегам южной Италии, закусывая пищей с моцареллой местного производства, с рук кормили стройных фламинго на озере Накуру в Кении, ловили взмывающие от порыва ветра свои роскошные шляпки около прибрежных скал в Port Campbell National Park в австралийском штате Виктория обслуживающий персонал занимался только тем, что подготавливался к что называется «высокому уровню сервиса».

Предполагать я не мог, что может так повезти мне с этим Billiard player, так как когда днем я иногда мог не спать, то войти в те 5% мне велела сама судьба.

И вот я тут, смотрю на этих жирных теток с их некрасивыми мужьями, некрасивыми детьми, поедающие эти маслянистые шарики вишневого, клубничного, ванильного мороженого. Они еле тащатся по этим бесконечным тротуарам вдоль песчаных голубых берегов океанов.

Мне велено держаться от них подальше, дабы не умалять их возвышенное чувство собственного превосходства над

людьми, свойство которых определяется такими глаголами как протирать, убирать, подметать, мыть, чистить, сортировать, застилать и т.д. Я выходил и заходил последний на борт «Harmony of the Seas». Я смотрел на их срущих собак. Я пропускал их потных детей. Я стоял последний в очереди за прохладительными напитками.

Остров действительно был чудесным. Берег состоял из круглогодичной зеленеющей местной флоры, стремящихся к солнцу гор и белоснежной песчаной окантовкой с бесконечными причалами, кораблями, лодками, прибрежными ресторанами и парками с дикими животными.

Сутки нам давались для того, чтобы побродить по местным кафе, поваляться на лежаках, отдохнуть от дрейфующего на волнах очередного Титаника. Я дождался пока последнее грушевидное тело выкатится на пирс и проследовал за всей блуждающей кучей-шайкой.

Моей единственной традицией, которая сложилась естественным путем (путем отвращения к соленому морскому бризу и бесконечным голубы пространствам), стал побег в глубь города-пребывания. Я искал местных жителей с безмятежными их лицами, их дикими пляжами, вкусными местными ресторанами, особенностями ландшафта и годами выющихся историческими архитектурными особенностями. Искал в них спасение от возрастающего возмущения моего организма от этих морских баталий ни сколько с природными, сколько с техногенными катастрофами в виде напиваю-

щихся до беспамятства моими ночными посетителями.

Но сегодня, именно на 64 городе, я почувствовал великую усталость от бесконечно меняющихся картинок – людей и деревьев. Ближайший бар был расположен прямо на берегу Карибского моря, прямо на против нашей огромной и сияющей плавающей махины. Давно я не прикладывался к памяти Эрнеста – «Двойной Дайкири».

Это великое сооружение имело избушкины тростниковые ножки, упирающиеся прямо в дно морское. Современной отделки с большой мигающей вывеской «POP-STOP» на сегодняшний день мне было достаточно.

Вход с пирса был украшен аркой с самой простой разноцветным мигающим рождественской гирляндой. Современная отделка в близи оказалась всего лишь прибитым на выпирающие гвозди пластами ржавого железа никак не стыкующегося между собой. Крыша – вот, что на самом деле внушало доверие. Скошенная на 45 градусов из толстеного японского стекла крыша свисала прямо в северную сторону моря.

Довольно странное архитектурное решение скрывало в себе расположенную вкруговую в центре помещения барную стойку и бесконечное множество стоявших по ее периметру барных стульев без спинки с высоченной и тонкой ножкой. Классической темно-коричневой деревянной отделкой был обшит весь зал. Подойдя к барной стойке я заметил, что она исписана миллионами различных цитат. «It's not the years in

your life that count. It's the life in your years» Линкольн. «Have no fear of perfection; you'll never reach it» Дали. «Life would be tragic if it weren't funny» Хокинг. И многие, многие другие излияния мировых локомотивов остались запечатлены белым мелом на темно-зеленого цвета деревянной поверхности бара.

– Лимонад, Швепс, Английский холодный чай, дружисе?! – увидев меня почти в припрыжку подошел темнокожий бармен с здоровенным серебряным кольцом в ухе.

– Дайкири! Двойной! Братишка! – ответил на таком же непонятном как этот английский холодный чай акценте я.

Парень-гигант, лет 27-ми, был одет в голубую поло с лого «POP-STOP» заведения, синие джинсы и вьетнамского стиля тапки. Сквозь футболку выпирали по две штанги с каждого соска.

– Неужели эту дыру начали посещать хорошие гости? – обратился ко мне в ответ он своей белоснежной сверкающей улыбкой и нежным темно-зеленым взглядом.

– Комплименты?

– Ты получишь здесь самый вкусный Дайкири из всех ближайших архипелагов! Посмотри на четвертую запись прямо под твоим стулом! – крикнул он мне уже мысленно настроиваясь очаровать меня своими навыками.

«I drink to make other people more interesting» Хемингуэй. Это заведение не могло не нравится таким людям как я – блуждающие одиночество под толстенным японским стек-

лом обрело покой.

В центре, кстати говоря, барной стойки стоял высокий под потолок двухсторонний шкаф в форме пирамиды забитый тысячами и тысячами бутылок различных видов алкогольных продуктов. Как в классических американских фильмах с их гигантскими библиотеками логическим завершением образа «Viblioteka.Bar» была передвижная лестница, на которую собственно и запрыгнул под два метра ростом темнокожий парень-убийца.

– Пряный «Mount Gay» 1903 года! Как думайте? Подойдет ли для основы вашего любимого коктейля? Клянусь – будь тут сам Эрнест – упал бы с лестницы от такого чуда! – выкрикивая из под самого потолка «POP-STOP» все накручивал мои впечатления все тот же темнокожий парень.

Протягивая свои худощавые руки до вершины пирамиды кажется по нации пуэрториканец, непонятным мне образом соскользнул с достаточно уверенно стоящей лестницы. Грохот и визг скользящих колес заставили меня пошатнуться на барном стуле, а сердцу приказать пропускать кровь по моему организму в два раза быстрее обычного. Лицо залилось кровью, а в руках отдавалась не понятная мне до этого момента дрожь.

Пуэрториканец, вероятнее всего, был близок к нашим давним предкам, не то что он имел красную задницу, но ловко перевернулся на обратную сторону лестницы, вращаясь вокруг нее как профессиональный гимнаст, он с легкостью

съехал вниз и кинул мне ту самую бутылкупряного «Mount Gay» 1903 года прямо в руки. Обладателем красной задницы оказался как раз таки я.

– Глянь на этикетку! – приказал мне он, видя, как трясется в руке та самая бутылка чего-то пряного.

Прям поверх этикетки было нанесено непонятное словосочетание и роспись. Возможно это актер или политический деятель тех самых времен. «Бартоломью Робертс» – придя немного в чувства произнес я. «И его роспись» – добавил темнокожий парень-пуэрториканец.

– Не знакомое ли тебе это имя? – перехватив бутылку из моих рук прижался к барной стойке он, твердо подпирая ее своими локтями.

– Первый раз слышу, если честно!

– XVIII – золотой век пиратства! – необычно выпучив за все наше непродолжительное знакомство глаза выдал он.

Я пытался успокоить себя сосредотачиваясь над каждым произносимым им словом.

– 500 кораблей в окрестностях Индий были ограблены мало кому изначально известному, но чрезвычайно талантливому командиру пиратского корабля, испытывавшего новый стиль ведения дел. Он, как не подобает всем благоразумным представителям данной профессии, имел изысканные манеры, инстинктивное чувство стиля, ненавидел пьянство и азартные игры, хорошо обходился с экипажем захваченных им кораблей. В связи с чем, при виде его флагов, будучи за-

хваченными лучшим представителем не только пиратской, но и королевской элиты – враги сами с восторгом поднимали белые ткани, которые бы иные злодеи не оторвали бы в самых запираемых сундуках противных им кораблей пока не сожгли их дотла. А это подпись сделана прямым потомком Бартоломью Робертсом, сохранившим дань величественного имени и авторитета своего одноименного прапрадеда – величайшего и могущего пирата золотого века Бартоломью Робертса! – откупорив бутылку душистого рома возможный пуэрториканец плеснул себе и мне в стакан.

– Спасибо! – выдавил я, желая послушать еще каких-либо подробностей о том самом великом пирате.

– Это тот самый ром, который я хранил для лучшего «Двойного Дайкири», для лучшего моего посетителя за последние 5 лет! Да и к тому же, видишь дату проставленную штампом? – тыкал пальцем мне он на расплывающиеся от старости разводы чернил. «15.06.1951 – дата, когда был основан «POP-STOP» и первая эта бутылка, пополнившая запасы этого могучего хранилища!» – размахивая в сторону шкафа руками, продолжал он. «Предлагаю испробовать достояние предков!» – не дав как следует чокнуться с ним, быстрым движением руки пуэрториканец опрокинул подстреленный ковбоями стакан Old Fashioned. «Начнем!» – вскочил он.

Своими умелыми руками темнокожий парень устроил феерию возле бара. Молотя и швыряя туда-сюда лаймы, подкидывая до потолка бутылки он вызвал у меня несвойствен-

ное желание аплодировать его фокусам и просить повторить, повторить и повторить еще раз. Единственным оправданием такому поступку было бы нахождение меня тут в облике широко хлопающими глазками девчонки-красавицы. Хорошо, что я не сглупил и не стал писать в графе умений «Bartender». Состоялся бы невероятный провал подкинь я какую-нибудь бутылку, например «Mount Gay», например 1903 года, например с инициалами Бартоломью Робертса. Судьба бережет меня для чего-то по-пышнее.

– Это очень вкусно! – пытался я тоже произвести на него впечатление.

– Я рад, что вам понравилось! Наслаждайтесь! С вашего позволения я отойду к нашему с вами еще одному гостю! – кинув через плечо свой взгляд на укрывшегося за литровой кружкой темного Guinness седеющего пухлого мужичка, обернулся и пошел в его сторону, перебирая в руках барную ложку.

Напиток на самом деле выдался очень вкусным. Сок лайма в смеси с тростниковым сахарным сиропом делал мою оценку предвзятой

по отношению к любому коктейлю.

– На чем мы там остановились, мой друг! – обратился пуэрториканец к сидевшему на противоположной ко мне стороне бара тому самому мужчине.

– Резюмируя все вышеизложенное! – продолжал он, под-

бывая собственные слюни с барной стойки.

Речь его, на которую обратил я внимание в этот солнечный день в этом очередном по списку 64 городе, осталось в моей памяти в виде манифеста обезглавленного короля. Это как играть в шахматы на ковре. На ковре-самолете.

Блендер, включенный барменом для приготовления мне освежающего Mohito, перестал работать ровно на том же месте, на котором и остановил свой монолог тот же самый мужчина.

Брюнет по природе, на половину уже оброс белыми и седыми волосами. Имелось довольно пухлое лицо, обросшее ленивой щетиной, что давало возможность оценить его возраст ближе к 50-ти. Он не выглядел счастливым или радостным человеком. Он выглядел уставшим от жизни, случайно заставшей его врасплох еще дергающим за соски свои жизненные возможности, еще совсем не сломанным и не расколотым временем. На самом деле, не смотря на естественную грусть в его мимике, жесткие мужские черты лица (выраженные скулы, острый нос, маленькие бледные губы), так нехарактерны для всех местных жителей, делали его лицо красивым – действительно красивым человеком. Одет он был в типичную зеленую пляжную рубашку с рисунком в виде вращающихся по нему морских волн с сияющим от блеска брильянтов на левой руке Day-Date 36. Видимо рубашка была тоже хорошего качества материалов.

– Хочу ответственно заявить! – указывая на важность мо-

мента, повышал голос он, на что бармен прекратил все махинации с обратной стороны фронта.

– Прошу, продолжайте! – ответил ему пуэрториканец.

– Красивая женщина – обречена на мучения! Будь, став девушка красивой – первый и единственный признак неминуемой её гибели! Не думай, что я какой-то обиженный женщиной затхлый нытик, тем более из всего услышанного от меня сегодня – ты и подумать такого бы не смог!

– Не смел бы! Скажу вам сразу – я слишком люблю людей и затхлых нытиков среди них совсем нет! Затхлый нытик – это любой из нас, кто смог проснуться на утро! А судя потому, что мы с Вами тут – запах тухлятины тут конкретный!

– Ненавижу утро – это чертова правда! – усмехнулся он и чокнулся своим Guinness о кулак темнокожего пуэрториканца.

– Продолжу, буду говорить за всех. Суть. Животными мы были, есть и будем всегда. Мужчины – особый вид безмозглых тигров с естественной дибельцой на лице и бесконечным желанием в виде возбужденного стояка в штанах – удовлетворить естественные потребности. Естественная нужда, в данном контексте, конечно же, ебля. Он живет ради ебли. Ест ради того, чтобы быть сытым во время ебли, спит ради того, чтобы быть не проспав еблю, работает ради того, чтобы дождаться следующей ебли, бегает на дорожке беговой ради того, чтобы быть готовым быстро добежать до места ебли, воспитывает детей ради того, чтобы когда он не смо-

жет больше делать еблю – этим занимались они. Но и вместе с тем, эти парни и мы с тобой приятно воспринимаем себя в таком вот ракурсе, невольно прижимаясь к стае вечно голодных на женщину собак. Мы не заложники ситуации, мы прибившаяся к краю берега пустая пивная бутылка. Теперь же причем тут наша Красивая женщина – особая ценная добыча на дикой нашей охоте. С чего мы решили, что нам нужно самое лучшее? Или ты сомневаешься и думаешь, что мы этого не достойны? Так вот, достойны! И природа нам говорит, что мы есть самое лучшее обезьянье произведение искусство, которое как минимум должно сидеть на золотом пьедестале с золотыми зубами и золотой-красной точкой на лбу. А все это должно быть его-ее-ихнее. И Красивая женщина – самая золотая из все золотых женщин – должна быть только их. И тут Красивая женщина попадает в интересную ситуацию. Свободная она – бесконечно является убегающим Snatch – зайцем от пару бешенных отсталых умственно собак. Занятая она же – является бесконечно обороняющейся от преступности непреступной крепостью Deir el-Zour. Теперь ответь мне, почему чьи-то здоровые амбиции оставляют несчастным Красивую женщину? Она не обретет спокойствия – она будет бегать и отбиваться только потому, чтобы выжить. Разве тот факт, что она есть Красивая женщина – всеми боготворимая и носимая на руках – является тем фактом, что страдать она будет всегда? Да! Так и есть! Ее мужчина, не ее мужчина – есть условие. Необходимое условие для

создания четкого ощущение себя в виде маленькой бедной мышки, что в клетке бегаёт по её углам, цепляемая черствыми когтями нависших над ней жирными рыжими котами! – выдохнул он и впустил в себя ещё немного Guinness.

– У меня только один вопрос! Собаки могут быть умственно-отсталые? – отхлебнув мой Mohito, спросил улыбочивый пуэрториканец.

– Итого: Красивая женщина – обречена на мучения!

Глотком я допил оставшейся «Двойного Дайкири» и двинулся в сторону выхода.

– Эй, дружище, все хорошо? – крикнул мне сквозь бар пуэрториканец.

– Вы и представления о любви не имеете, дружище! – ответил я и распахнул двери в самый солнечный и самый 64-ый город в этом путешествии. Все-таки уходить вглубь морскую не такая уже и плохая идея.